

ВАСИЛЬЕВ
АНТОН
АНТОНОВИЧ

НИ СЕЙЧАС,
НИ ПОТОМ —

НИКОГДА.

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

Ни сейчас, ни потом — никогда.

«Автор»

2026

Васильев А. А.

Ни сейчас, ни потом — никогда. / А. А. Васильев — «Автор»,
2026

Умопомрачительные истории о персональной борьбе достойнейших из представителей человеческой цивилизации. Все трюки — выполнены профессионалами и не требуют дублирования читателем в домашних (и вообще любых) условиях.

© Васильев А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Идея фикс (прайс).	5
А в	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Антон Васильев

Ни сейчас, ни потом — никогда.

Идея фикс (прайс).

Опоясанная горным перевалом, прогалина из проторённых многохоженных троп выстроилась в цепь транспортных сообщений, распространяющихся вдаль неведанных пределов. Канонаде промышленных предприятий вторит лишь безгласный взор раздирающих небесную трердь узоров раскалённых добела звёзд. Воцарившее над миром засилье прогрессивно развивающихся технологий огласило принципиально новый бытовой порядок.

Систематически сменяя пост, небесное светило со спутницей-луной распространяют своё тусклое свечение на эти обездоленные бранные земли, заселённые безнадёгой и покрытые километровым слоем неприязни к экзистенции, направленной в заданном тоталитарной системой курсе. Под покровительством голодных взглядов не обезображенных неокортекальной рассудочной деятельностью лиц полицаев шагают вереницы измождённых счастьем встретить рассвет на эшафоте аполитичных обывал — последние гвозди в гроб иллюзий, создаваемых для их отвлечения от вопросов насущных и в действительности определявших их якобы свободы (их молчаливое согласие и позволило злу укорениться, легитимизироваться и стать абсолютнейшим нормативом).

Нигде, как ни здесь, обязаны возникать прецеденты появления экстраординарного для культурологического эпоса явления: некогда герои, переквалифицировавшиеся в этиловых канцлеров, вынуждены безо всякого остервенелого азарта паркурить по обнесённым снегом застругам в поисках живительной влаги чекушек — прежде доминировавшего в пространстве государства провинциального напитка, оседлавшего пытливые умы вымерших гениев местных просторов.

Одним из оных признан почитаемый в честном народе заслуженный мастер спорта по литроболю — ветеран поля брани, именуемого как "бытие": на сим пути — немало polegших в бесчеловечно и бессмысленно жестокой гонке за обретение мнимых ценностей, подразумевающих сугубо биологический смысл. Ежели и имеет место наличие некоей тайны в отношении его авторитета, то этот таинственный ларчик вскрывается с непоколебимой лёгкостью: весь секрет — в том, что ему удалось всецело овладеть искусством прижизненного забвения. Хотя со стороны это и выглядит подобием хождения по мукам и нескончаемых мытарств, ограниченных вечным поиском либо поиском вечного, в сущности же: истинное положение дел обстоит диаметрально противоположным образом.

Выдающейся отличительной чертой его психики всегда служило полное отсутствие восприимчивости к чему бы то ни было. Казалось, будто ничто не способно было нарушить его внутренний микроклимат. Этой незыблемой скале не ведомо всё людское, суетное, приземлённое, примитивное, прагматичное — он постиг основополагающий базис законов мироздания, что позволило ему преисполниться в познании догматов незримой материи, из коей сотканна столь хрупкая и беспомощная вселенная, лишённая смысла и надежд на его обретение.

Однако, и ему стороной обойти не удалось фундаментальные конструкторы, заточившие тысячи тысяч поколений живых организмов — столпы, сконцентрировавшие на себе воззрения в отношении магистральной мотивации существования. Одним из них является стремление заполучить всевозможные разновидности пропитания в любых интерпретациях: будь то предметы роскоши либо же вполне себе обыденные вещи — вплоть до продуктов питания и их производных.

Одoleваемый заключением сансарическим существованием, требующим придерживаться принципов, обеспечивающих выживание, наш центральный персонаж тратит остаточные крохи времени своей нисколько не значимой жизни на поиск стеклянной тары с содержанием особого толка. Особенности приготовления раствора не учитываются, ибо куда важнее — сам факт того, что возникло в мире очередное нечто, сплотившее собой противоборствующие классы, экономические сословия, чины, разницы верований, мнений и заблуждений. Сколь ни разнились бы представители не шибко подобных друг другу несмежных направленностей, абсолютно все подвержены влиянию результатов потребления одного достижения цивилизации.

Под эгидой заполучения столь желанного удовольствия раскроить структуру текущего варианта конструирования обстоятельств внутри собственной жизни, народ, за неимением представлений о наличии иных способов разрешения проблематичных вопросов, отдаёт предпочтение возжелать менее затратный метод самостоятельного совершенствования: нет совершенно никакой необходимости в кропотливой работе — трудовую деятельность можно легко заменить "закрытием глаз".

Возникновению сего блага человечество обязано изначально Аристотелю, что в четвёртом веке по отрицательной шкале описал отнюдь не любопытный процесс испарения и конденсации. Несмотря на то, что тот в своё время успел несколько наследить и прослыть в веках мыслителем, за занятием подобного рода не был обнаружен. Однако, иных представителей данной чудовищно значимой (нет) профессии удалось, всё же, застать, поскольку уже всего-то-лишь-навсего в восьмом веке (с рождества устоявшегося в качестве образчика поведения и диктатора морали мифического персонажа из древнееврейской сказки) арабские химики явили свету способ дестилляции. Казалось бы: свершение, способное перевернуть устоявшиеся порядки, навеки устранив открытую рану в лице проблем закрытия вопроса межгосударственных доминантностей, ведущих исключительно к истреблению себе подобных, прикрываясь лапшой о священном долге, навязанным слепленной на скорую руку низкопробной пропагандой. Разумеется, что "не тут-то было". Попав в руки нонёвсвященнослужителей, "аль-кохоль" (по-арабски) использовался в медицинских целях, но должного эффекта не оказывал. Окончательно свою популярность чудодейственный напиток сыскал лишь к девятнадцатому веку от некоего (принятого по всему земному шару) летоисчисления, повсеместно заполонив прилавки магазина "Берёзка", став более желанным, чем иностранная валюта и журналы "техника молодёжи", из которых известный кенгуру Илон Маск черпал вдохновение для своих чудовищных проваловввеличайших открытий, на проверку оказавшихся профанацией, липой и не большим, чем панамской уткой, сфабрикованной падкими на денежные средства его подопечными (уже реальными учёными) с подозрительно славянскими фамилиями.

Не менее прозаично обстоят дела и с даром Осириса, обнаруженным археологами в качестве глиняных горшков, датированных седьмым тысячелетием "до нашей эры", с останками суслика, предназначавшегося для изготовления священного подарка древнеегипетского божества. Пытаясь повторить успех предшествующих поколений, семь тысяч лет назад ушлые шумеры ненарочно уронили злаки в воду, дождались брожения и даже продегустировали отраву. Как выяснилось, ничего лучше в своей жизни они не пробовали (даже в мечтаниях). Памятуя о былых заслугах, средневековые египетские монахи стали добавлять хмель в это зелье, дабы продлить срок хранения и придать некой терпкой горечи итоговому творению. Таким образом и сформировался окончательный вариант производства явленного в тварный мир воплощения пика кулинарной мысли.

Безусловно, никому не следует напоминать о перспективах, грозящих отъявленным фанатам злоупотреблять тотчас возникшими пред их взором легко объяснимыми простыми вещами. Благодаря конкретным примерам, даже ленивые ознакомились со всеми увлекательными историями и всевозможными последствиями. Что, однозначно, не умаляет рвения центрального персонажа повествования — путь вниз не знает остановочных пунктов.

По мере продвижения в массы идеи реализации индустриальной революции с подозрительной интенсивностью росли и аппетиты, коих прежде не наблюдалось. Не мудрено: интерес к теме возникает сугубо при её озвучивании на широкую публику. Далее: от аудитории зависит малое — не им дано решать, в каких пропорциях следует смешивать зёрна с плевелами: их дело — принять пережёванную информацию; задача поставщика — манипулировать неразумной толпой, удовлетворяемой чем попало. Если многократно и громко повторять ложь, она не перестанет быть ложью, даже если и чрезвычайно убедительно звучащей. Но не в известном случае: массы — напроочь лишённый мнения, невероятно легко дрессируемый субстрат с полностью отсутствующей волей, кастрированным будущим и обделённый (по независящим от них причинам) по очевидным признакам, имеющим отношение к демонстрации интеллекта и его ошеломляющих способностей. Речь идёт именно об интеллекте, а не его суррогате — имитации мыслительных процессов, отдающихся гулом в черепной коробке от интенсивного скрипа внутри.

Чем же, собственно, отличился наш главный герой? Каким примером он послужит: выступит ли в роли недостойной формы жизни или каноничного антипода?

История — непомерно тривиальная. Тем и способна завлечь обывателя, представленного подавляющим большинством обитателей злосчастной планеты с не особо изобретательным названием из разряда "грязь", "свалка", "аз есмь грунт". Рассказ упраздняется своей ненатуралистичностью и специфичностью происхождения. В пользу рассказчика можно было бы и отметить, что, согласно точке зрения вероятно профессиональных прохиндеев — искусствоведов — всё вымышленное порой являет собой и нечто более материальное, чем зримое, осязаемое, осязаемое и можнотрогаемое. Однако, оправдываться в погоне за одобрением — высшая мера фарисейства, лизоблюдства и прочих присущих скоту качеств, характеристик, обозначений.

Не скоро дело делается, посему — история берёт своё начало неведь где и неведомо когда. Всё — как и у всех: родился, не пригодился, хоть и раздул о себе мнения — размером с четверть известной галактики, в созидании замечен не был, за сим и отклонялся, размазав лоб о неприступную твердыню картин абсолютной безнадёги, узрев лик экспоненциально растущей энтропии в сопровождении детерминизма, предопределённости, судьбы и прочего культурного сброда, ломающего об коленку всяческие надежды. На их фоне меркнут жалкие человечешки с их потешными попытками оставить на вечности след. Приходящие из пустоты и возвращающиеся в пустоту, обращаясь пустотой, вернее: становясь её частью. Однако, известны ли единицы измерения пустоты? Что и в каких количествах содержит определённое её число?

Обречённые на страдания, они рождаются с единственной целью — отработать материал, одновременно с тем — пройти жизненный цикл и обрести наконец тот самый "покой", являющийся закономерным завершением всех биологических процессов. Всё — вполне себе логично, что естественно: имеющее начало постигает конец. После: гниёт в земле и съедается опарышами. Ежели будет угодно: в момент начала некробиоза зарождается новая жизнь — внутри разлагающегося организма, пустившего последний вздох три с половиной дня назад и отдавшего всю серу через доступные отверстия. Не для всех трупный яд токсичен, что свидетельствует о следующем: грядёт пиршество и обоснование в некогда ходячей и живой коммунальной квартире с рассадниками болезней и инкубаторами паразитов. Но и этой весёлой компании не суждено вечно довольствоваться сей скудной трапезой.

Так какого же значение мимолётного возникновения человека — и как самодостаточной единицы, и как биологического вида? В точности, ровно то же, что и у любого другого явления; значимого либо же несущественного — не столь принципиально. Что в рамках существования внутри популяции (численностью в восемь миллиардов особей), что в масштабах чуть колоссальнее — планетарных и так далее. Нет ни толка, ни смысла, ни значения.

Теперь, зафиксировавшись на этом, представим, что рождается определённое существо (в указанном случае: высший примат в одежде и опробовавший все изыски речи — упрощённого, упорядоченного, выверенного и систематизированного инструмента утончённой лжи) и обязано осуществлять некую заданную не алгоритмизированную деятельность (что примечательно: вдобавок — ещё и не по собственной воле), осознавая бессмысленность всего сущего и ощущать, как всё яростнее за спиной маячит жнец смерти. От него многого требуют, а ведь он даже с биологическим базисом (в виде заполучения еды, передачи генома в последующее поколение и демонстрации мнимой доминантности) не справляется. И это — при условии впитанного знания о тщетности сущего. Приходится согласиться на эту бессмысленную игру и катиться по инерции, покуда не произойдёт неотвратимое.

Как обстоят дела у ключевой фигуры, которую мы впредь для удобства станем именовать "Алкоголик": не сильно его история разнится с историями иных представителей гоминид. Всё же, обозначить и отметить что-то да придётся.

Итак, подобно всем прочим, наш Алкаш, первостепенно, родился. Пришёл на этот свет он отнюдь не нарочно: его родителями, согласно древнему обычаю, оказались такие же неотличимые тунейдцы, беспробудно жаждущие одного — денно и ночно, вне зависимости от резких климатических изменений и состояния остатков организма. Узкий круг (либо же — иная геометрическая фигура) их интересов сводился к поиску пропивания. Последнее обладает уникальным свойством: чем больше пьёшь — тем меньше хочется есть. А уж ежели пьёшь непомерно много, то там забывается уже и всё остальное. Происходит автоматизация всех процессов, но речь — далеко не о поддержании гомеостаза, водно-солевого метаболизма, обмене спинномозговой жидкости, дыхании, работе внутренних органов и выделении первичной мочи — со всем вышеперечисленным (и не только) единолично справляется и сам организм, без участия и напряжённого вмешательства самих гоминид.

Путём незатейливых изысканий, можно засвидетельствовать закономерность, и мы вынуждены её констатировать: задача любого биологического вида — перенос генома в последующее поколение. Именно это и обеспечивает ход эволюции и даже самое, что ни на есть, обыкновенное выживание (сам вид выживает за счёт того, что представителей становится достаточно: если их будет мало — вид вымрет, насколько то ни странно). И только поэтому основным двигателем и мотиватором поведения всего живого является радость от повышения шансов репродуктивного успеха. Ежели копнуть глубже, не останется никаких сомнений в отношении того, что единственное, чем все озадачены — это не более, чем размножение. И все действия направлены на то, чтобы это скорее свершилось. Что примечательно: этому и обучать не нужно, для этого не требуется совершенно никаких интеллектуальных усилий, мыслительных подвигов и торжества разума. Это уже заложено природой — все на это запрограммированы уже по определению и по факту самого рождения.

Вечером хладным, в лето какое-то от рождества кого-то (может, даже героя самой популярной книжки в стиле фэнтези, объявленной безоговорочным канонem) отторгнут из материнского чрева был ясноликий будущий страдалец, возложивший тело своё на алтарь башен судебных людских эпох, что в дальнейшем посвятит свою жизнь перевариванию вселенской боли, неумолимо пожирая горечь грядущего вместо материнского молока. Первое время ему предстоит созерцать вдруг представший его взору неизведанный мир; существенно (по меркам новорождённого) позже — длить тщетное бытие, еле поспевая за ускоряющими ход стрелками часов, отсчитывающими время пребывания в состоянии неувядшего. И таковая участь постигнет каждого.

Покамест — имеется в заглавниках времени на довольствование малым. По крайней мере, в одной астрономической единице от солнца есть ещё что глянуть: среди живописных массивов с должным комфортом расположилось зверьё во всём своём многообразии. Больше уподобиться некому, ввиду сего: приходится выбирать кого попригляднее. Кто конкретно пуще

всего пришёлся нашему Алкоголику — остаётся лишь строить предположения. Вряд ли в детстве он грезил стать среднестатистическим дегенератом, в то время, как остальные рассматривали для себя такие варианты, как астронавт или антрополух. Впоследствии, конечно, выяснится, что никаких демаркационных линий не проходит меж каждой из этих ролей.

Следует заострить внимание на том, что каждый человек рождается зависимым. С годами он способен лишь нарастить их число и тяжесть. Человек не свободен даже в выборе зависимости, вопреки расхожим стереотипам о существовании некой свободы выбора человека — даже его персональный выбор обусловлен множественными факторами, не имеющими ничего общего с его собственными решениями. Человеку, в сущности, принадлежит ровно ничего.

Эти установки и протянул красной линией чрез своё бытие Алкоголик. Если всё — бессмысленно, и этого исправить — не дано, остаётся лишь — "принять и отпустить ситуацию". Мало того, ничто не мешает отыскать для себя местный "смысл". Если никакого глобального смысла не существует, он может существовать эксклюзивно для единственной персоны — в рамках исключительно его "мира". Что для себя решил Алкоголик — неведомо.

Одно нам известно доподлинно: с приходом в жизнь новых вещей из мира мёртвых (вещи, доставляющие краткосрочное удовольствие в обмен на истинные радости жизни, получаемые от достижений, свершений, исполнений мечт, осуществления того, что прежде казалось недоступным либо непозволительной роскошью) человеческий облик меняется до неузнаваемости, ровно как и установки шаблонов модели поведения и ключевые магистральные мотивации. Вполне вероятно и сужение потребностей до поразительных низов: "обзавёлся определённым сомнительным материальным благом в виде некой заполненной ёмкости — значит, что жизнь, проживаемая в рамках одного дня ("дня...", видимо, "...сурка"), прошла не зря".

Примерно так и выглядела жизнь нашего существа. Ему даже умудрялись завидовать. Ибо всё людское ему было чуждо. Пока эти иждивенцы стремились к совершенствованию, самопознанию, вскрытию истин, поиску ответов на вопросы и поиску разрешения загадок самой Вселенной, пытались набить карманы и брюхо, только и думали о размножении и имитации сего процесса, Алкоголик был далёк от идей бездарно прожигать жизнь в суетной погоне за псевдо-ценностями, навязанными маркетологами во имя наживы: это не люди стремятся к улучшению условий жизни и коллекционированию предметов якобы роскоши — им навязали эти ущербные желания. **А желание — суть страдания.** Поистине способен испытывать неподдельное счастье исключительно тот, кто не может хоть чего бы то ни было возжелать.

Не следует путать с аскезой и прочей чепухой, сформулированной психолухами либо верунами. Здесь: материи — возвышенные. Настолько, что за их поисками надлежит отправляться в стратосферу.

Чего не произошло. Ему никуда лететь не пришлось. Из способного летать были лишь вертолёты. Причём, завсегдатями и частыми гостями. В должном порядке, с них зачастую десантировались и сонные параличи, и лихорадки, и неудержимые процессы избавления от излишней "жидкости" (жидкостью является только вода; всё же остальное, будь то кофе, чай, молоко и прочее — уже пища). А возглавляла эту шоблу — её величество Белочка, собственной персоной. Скучать ему, определённо, не доводилось: доблестному герою периодически выпадал жребий самоотверженно бороться то с вымышленными врагами, то с владычицей смертью, то с подспудными желаниями, то с губительной силой гравитации, то с похмельем (состояние полного опустошения).

И всё протекало беззаботно, размеренно, безмятежно; временами — тоскливо от однообразия и цикличности. Нескончаемые авантюры превратились в будничную рутину и начали слегка утомлять, оставляя послекусие предсказуемости. Точно известным было всё наперёд: чего следует ожидать и каковыми могут оказаться результаты и последствия определённых действий. Всё стало закономерным и логичным. Хаос внезапно стал настолько привычным,

что уже не донимал, а стал благоприятной средой для развития. Любой бы открестился и принял всё невозможное, дабы привести в эту серость красок, но Алкоголик ведь — не из простых. Он — борец с отторгнувшей его системой, с самим миропорядком. Космос брезгливо оторгнул его в эту зловонную клоаку и принудил носиться белкой в колесе, приговорив к вечным страданиям в рамках сансарического существования, ограниченного экзистенцией от бытия к дедлайну. Он — лишь очередной черновой проект, пропущенный через лоно переРождений. И он принял свою судьбу — бороться с этой самой судьбой — что и было предназначено.

Ни о какой победе речи идти не может. Эволюция протекает на протяжении четырёх миллиардов лет. Обезьянье прошлое человека составляет шестьдесят миллионов лет; в роли того, кто уже начинает напоминать человека это существо пребывает два миллиона лет; и в роли человека — всего семь тысяч лет. Представьте, насколько ничтожны эти отрезки. В довершение: в интересы эволюции не входит производство единичного продукта, поэтому не допускает возникновения никаких "исключительностей". Так что, и наш Алкоголик — не из ряда вон выходящий субъект, да и на его месте мог оказаться кто угодно, ведь от усилий человека никогда ничего не зависит. Но он обязательно покажет, из какого теста его сваяли и какие на него возложили ожидания, каким потенциалом его наполнили и чем обделили.

Всё хорошее и хоть сколько-то благоприятное не может длиться вечно, даже если за него усиленно бороться. Так же, как и недолгими были райские кущи в смехотворных фэнтезийных рассказах полоумных антропологов, заполняющих вакуум знаний своими нелепыми бреднями.

Пережив панкреонекроз, тягостное расставание с денежными средствами, неконтролируемый процесс дефекации, горестную утрату путёвки в оздоровительный санаторий "Аушвиц", спонтанное хакири пластиковой вилкой из набора "оухотворённый юный строитель социализма", трагедию в Джонстауне, захватывающие каникулы на конвейере отряда 731 (и это всё — только за минувшие сутки), Алкоголик впервые столкнулся с настоящей проблемой, глядя в глаза ужасу и страху по совместительству (даже если то — понятия синонимичные (совпадающие по значению)). Пережить коварный, беспринципный, циничный и предательский ввод строгого сухого закона оказалось непосильным. В его испуганных глазах сие событие стало, как распоровший его заиндевевшее сердце удар вонзившихся клыков вскормленной на его груди змеёй. Всепрощающий, щадящий режим, взрастивший светлые умы, устремлённые в не менее светлое будущее, направленное на заполучение светлого крепкого, внезапно оказался вдохновляющим на кровопролитную борьбу с ним. И желательно — до победного для пролетариата исхода.

Единственное, что вдыхало в Алкоголика жизнь (а он перерабатывал энергию в перегар), наполняя её смыслом, а его наделяя безграничной силой, в одночасье трансмутировало в нежеланный запретный плод на законодательном уровне. Неужто использование инструмента вершения правосудия будет преследоваться и караться буквой пенитенциарной системы? Похоже, будто не все передовые новшества подразумевают благоговейный положительный эффект. Казалось, словно сама плоть материи подверглась горению и грозила остаться в веках лишь блеклым мимолётным воспоминанием.

Мириться с утратой — непосильное, гнетущее бремя, умерщвляющее волю. Но разве месть будет лучшим выходом? Безусловно.

Государственность существует с тех самых незапамятных времён (шесть тысяч лет назад), когда страх утратить доминантность взял верх, и необходимо было закрепить за собой возможность расслабиться и не переживать о том, что некто посмеет посягнуть на его место под солнцем. Эти "он" — никто иные, как приматы, нашедшие ответ на вопрос разрешения биологических задач (поиск еды, банальный выпендрёж и покрытие метровым слоями своих убогих потомков многострадального ареала обитания) и взявшие власть силой, объявив себя самыми главными бабуинами, к лапам коих необходимо нести пищу, чтобы те, с бутербродом

за щекой, придавались праздному блаженству, наблюдая за тем, как безвольные, менее хитрые и не столь наглые, создают видимость нормальной жизни, будучи в узде, (а приматы — великие имитаторы, и именно за счёт этого качества обеспечили выживание своего дефектного вида и его дальнейшую "эволюцию") и демонстративно плодятся в живописном беспорядке, показывая свою независимость и адаптивность к тотчас возникшему искусственному отбору. Это когда изыскатель и является испытуемым — явление, изучающее себя же.

Почему некоторым самочкам так милы "военные"? Да потому, что тот павиан вопрос доминантности закрыл: он убивает других особей, следовательно: он — доминантнее. Им приходится по нраву те, кто отличается и остался жив. Значит: доминантность превалирует. А если пузатый — значит жрёт хорошо; пищей поделится, нет — торжественно огребёт сковородой, отбежать не успеет. Даже старец седовласый согодится, если "при деньгах". Коррелирует ли весь этот вздор с рассудочностью? Не смешите! Нам же любопытно узнать о борьбе отважного Алкоголика (явно не за справедливость — её, по определению, и быть не может в человеческом обществе, не успевшим избавиться от обезьяньего прошлого — недостаточно миллионов лет прошло для должного витка эволюции. А Рубикон Валуа — история давняя: выживать более не приходится, поэтому: пока гром не грянет, мужик не перекрестится, а кобель не вскочит. О какой справедливости может идти речь? Как всех урвать? Трудиться будут по-разному, а получать — одинаково. Требовать будут, как с умных, а вознаграждать — как верных. Все — разные, уже по принципу рождения. И эти СТРУКТУРНЫЕ различия детерминированы особенностями строения головного мозга: разница между двумя людьми может превышать разницу межвидовую, а количество нейронов в одной области одного человека может быть больше числа нейронов в этой же области у другого человека, и сами размеры полей могут быть в соотношении: 1 к 40. Представьте, что двое пробегают стометровое расстояние, но у одного — метровые ноги, а у второго — в сорок раз длиннее).

В любом случае, локальный каратель пропитался уверенностью и готовностью свершать ужасную месть — блюдо, поддающееся холодным, к горячительным напиткам. За коими народный мститель и вознамерился проложить свою дорогу дальнюю в дом казённый. Покуда целенаправленно шествует к заветной цели, в голове беспорядно роятся мысли из разряда: "Чем человечество заслужило такую расправу?", "Достойны ли они досадного, трагичного конца?". Ведь за неимением ректифицированной амриты элитарной прослойке воодушевлённого бомонда, представленного, как правило, бандитами, бездарными ничтожествами и девами ночи (культурной публикой, в целом) грозит скоропостижная, неотвратимая гибель. Но будущее ныне транспортировалось в грациозные руки энтузиаста, собирающегося грандиозно провести глобальный государственный ребрендинг.

Основополагающий аспект теоретической смены политического курса — национальный коллапс, предполагающий сегрегацию по качественным признакам. Да и желательно — сепарировать государство от народа и не позволять им сосуществовать, однако то — лишь больные фантазии больного воображения больного создания больной природы. Да и касаясь самого так называемого народа: не свободы жаждут рабы — они мечтают стать рабовладельцами. А Алкаш, подобно волку из известного устойчивого фразеологизма, смотрящему в лес, глядит лишь по направлению к популярному анестетику под грифом "совершенно запрещено" — вплоть до обысков участков, раскопок хранящих тайну залежей и заслуженных расстрелов.

Да, власть имущие надеялись таковым затейливым и витиеватым способом снизить уровень преступности, но, в результате, пытаясь, как они считали, искоренить зло, сами стали самым подлинным злом, сплотив мир супротив единого врага в лице себя. На их сторону встали такие же душегубы — приверженцы идей якобы здорового образа жизни — те, кому прижизненно не грозит никаких удовольствий и радостей праздности. Тем самым, объявили *bellum omnium contra omnes* — войну всех против всех. Что называется, *vita genuina incipit* — настоящая жизнь началась. Ибо обрела макет хоть и минимального, но, всё же, нако-

нец — смысла. Ни на что не способным, пустым и серым, невзрачным, ничем не отличающимся от всеобщей зоологической массы, не остаётся ничего, кроме как грезить соединиться со свирепой стаей и образоваться в рыб-групперов, изобразив принцип мурмурации. Для них: нет ничего приятнее, чем осознавать себя хоть к чему бы то ни было сопричастными. Потому и случаются всяческие войны, стычки, конфликты, концерты, секты, парады, митинги, демонстрации, религии, инквизиции, армии и всё тому подобное.

Инстинктивные формы поведения продиктовали шаблон действий, но, если к ним прислушаться, выяснится, что целесообразнее и ловчее всего — покориться и согласиться с условиями неблагоприятных обстоятельств. Разум решил несколько иначе — поступить диаметрально противоположным образом, поскольку возникли причины бороться и отстаивать свою правоту: на кону — вопросы принципиальной, колоссальнейшей, непомерно чрезвычайной важности. Здесь: вершитель судеб не имеет права вернуться к выжидающему его триумфа народу несолоно хлебавши, оставив всех у разбитого корыта.

Случай — явно не из ряда вон выходящий, ничуть не экстраординарный. Фашизм — естественное (практически: изначальное, стандартное, исходное, начальное, базовое, нормативное, соответствующее заводским настройкам, запрограммированное, коренное, отформатированное, чистое, дефолтное — настроенное по умолчанию), природное состояние государства. Это — его заданное свойство. Первостепенная функция — эксплуатировать население до последнего его вздоха, увеличиваясь в размерах и расширяя количество территорий для парковки транспортных средств. Правящей "верхушке" — страшно, этот страх и мобилизует последние силы на принятие решений, душащих всё пуще угасающие "свободы" обслуживающего их персонала, именуемого народцем. И им действительно есть чего бояться: если вскроется правда, которую не особо скрывают, но маркируют "провокациями коллективного врага" (кто осмеливается озвучивать неудобную власти неудобную правду, кто не согласен плясать под дудку преступного режима — тот и является врагом — тот, кто потворствует отъявленному злу и поощряет оголтелые безумства, нацеленные на отгрызание кормящих рук), тогда и всполошится содержимое мелководья, взбурлит кипящий гнойник обиды — ревность за наворованное кем-то другим.

Одному человеку подвластно мизерное — он ничего не в силах переменить. И сотни, и миллионы, и поколения, и тысячелетия — никому не повернуть вспять ход процессов, обусловленных строго биологическими принципами. Дело — всегда в "людях", в их животной сущности — инстинктивной форме поведения, обеспечивающей интересы лимбической системы: сколько обезьяну ни причёсывай, ни наряжай, по театрам ни води — её, всё равно, тянет что-либо украсть (но, ни в коем случае, не заработать), изобразить видимость деятельности (а не создать настоящую ценность), совершить всё, что вписывается в рамки снижения энергетических затрат головного мозга.

Каждая из отдельных особей, вне зависимости от социальной должности и статуса бытия, является ничем, кроме как составляющей одной из немыслимого множества деталей бесчисленных механизмов, действующих в рамках неизменных законов. Ровно, как и какой-нибудь там правитель: даже от него ничего не зависит, он — лишь исполнитель, винтик верхов преступной системы. Поэтому: что с него взять? Остаётся лишь — устранить саму государственность, и на руинах былого, на высвободившемся вакантном месте, заново выстроить нечто принципиально новое. Разрушать — кристально ясно, почему, и предельно понятны причины: дерево, выросшее на кривых корнях, придётся выкорчевать: построенное исключительно на ошибках не приемлет неопытного — не вместится кирпич разумности в техническое отверстие, предназначенное под кирпич дурости. Однако, на начальном этапе формирования вновь воссоздастся пресловутый фашизм, который придётся преодолевать. Изменения поначалу будут незаметны, но ежели и предвидятся — в таковом случае, из этого, вполне себе состоятельного, строительного материала сконструируется весьма стройный каркас — фундамент для "дерева", что смо-

жет прочно держаться уже не на "кривых корнях", следовательно: в эти "отверстия" удастся присунуть хоть сколь-нибудь рассудочного.

Одержимый страстью к злоупотреблению термодинамическими химическими растворами, приспешник специальной модернизированной алкогольной дивизии совершеннее всех зрел в корень и, разумеется, что ввиду сего злосчастного обстоятельства, безупречнее всех наблюдал безысходность, что натолкнуло его на ясное видение безвыходности. Если всё — предопределено, с этим остаётся лишь смириться. Чем больше и интенсивнее попытки к сопротивлению — тем более усугубляется сложившееся положение.

Людская жизнь — чудовищно скоротечна, выстроенные вокруг её нескромной персоны процессы и обеспечивающие её высочество явления — временны; плоды любых стараний — неосязаемы и бессмысленны; расширяющаяся зримая Вселенная стремится к энтропии; пространство — ничтожно; материи — настолько незаметно мало, что словно и не существует. Ради чего тогда следует стараться? Хотя бы ради того несущественного и незначительного, что определяет человека и отвечает на вопросы о его самоопределении и предназначении в рамках данной парадигмы.

Определить анцестральную точку бурления вокруг любого человеческого вопроса — вовсе не сложно. Необходимо — лишь понимать природу мотивации его поведения, произрастающей из древних структур, отвечающих явно не за рассудочность, созидание и изобретение нового. Танатофобия не присуща тем, кто озадачен исключительно решением биологических задач: повышением доминантности и чесанием своего ничтожного эго, добычей еды (а эквивалентом еды могут быть и транспортные средства с чрезмерностью их стоимости, бизнесы, размеры пещеры и прочая павианская чепуха, коей кичатся пустоголовые, способные отличиться лишь размером бутерброда, а не объёмом пользы для науки, искусства, природы и общества) и созданием потомства (либо же — имитации сего процесса). Смерть же является двигателем не для тех, чья жизнь представлена эпитафией "Родился. Но не известно, зачем", а для тех, кто обеспокоен вопросом реализации заложенного в нём потенциала. Это — вопрос серьёзной ответственности. И даже благодарности. Люди думают, что придёт ещё время, а оно лишь уходит. Пока они убивают время, время убивает их.

И убивает их, зачастую, не только нещадное время. Они и сами — не особо-то и противники инициировать катализацию процесса планомерного избавления от стресса, боли, лишений — путём искоренения извечного источника неприязненных проблем. Когда некто берёт на себя ответственность за собственную жизнь, ему больше некому делегировать полномочия: он — владелец всея и всё зависит от него, соответственно: он и является виновником всего. Пустить всё "на самотёк" — инициатива невмешательства. Бездействие — тоже решение, и решение, за кое обязательно придётся отвечать; в должном порядке, в любом их возможных случаях.

К сожалению, гнойная язва под названием "жизнь" распространяется быстро, а носители не прекращают попыток плодиться и давать продолжение в виде своих "генетических копий" (ими не являющимися, поскольку всё перекрывает индивидуальная изменчивость мозга самодостаточного, дееспособного, да любого, организма: сколько эту тварь ни воспитывай, оно самостоятельно всё решит и не позволит никому вмешиваться в своё самовоспитание, саморазвитие и самоопределение). Этим полоумным менее всего требуется думающее существо на стороне, поблизости и где бы то ни было ещё, потому: средства массовой "культуры" плепса и снобов, массово развлекательная дрессировка и прочее подобное предоставляет им все условия для обитания в среде, лишённой разума — они живут на своих островках скудоумия, напрочь оторванными от реальности, получая сладостные поощрения. Потому, проживая всю "жизнь" в иллюзиях и неспособности задействовать ресурсы интеллектуальной кладези черепной коробки, они живут и умирают, ни разу не приходя в сознание.

Потому и возможно всё ужасное, что способен представить себе "трезво" **мыслящий**(первостепенно), адекватный, вмняемый, лишённый уз предрассудков и ушной лапши, **человек**: войны, убийства, религии, рабство, обман, воровство, проституция, полиция, произвол, беспредел, преступность, предательство, государство, расизм, жандармы, инквизиция, оружие, спорт, художественная литература, родина, традиции, крестовые походы, измены, концентрационные лагеря, и, наконец — сухой... закон...

Разумеется, что никто не одобряет потребление алкогольной продукции. Это — не есть хорошо, а очень даже плохо. Даже Алкоголик с этим согласен. И вряд ли готов порекомендовать кому бы то ни было предаваться сим забавам. Поскольку нет совершенно никакой практической целесообразности в растрате своей жизни; финансов, денежных средств, которых и без того мало на что хватает; такого важнейшего невосполнимого ресурса, как время; и здоровья — на то, чтобы становилось лишь хуже. О пагубном влиянии этих токсичных "жидкостей", отравляющих жизнь и уничтожающих её и всё в ней находящееся, все слышаны, и все эти кошмарные рассказы — предостережение, а не руководство к действию. Но и обойтись — нельзя, согласно соображениям медицины и полноценному функционированию организма. Существуют допустимые и приемлемые дозировки — то число субстрата, что требуется организму — необходимость (сам по себе, алкоголь, расщепляемый содержащимся в печени ферментом Алкогольдегидрогеназа, способствует энергетическому метаболизму и поддержанию функционирования адаптационных процессов. Даже если не пользоваться алкоголем извне, организм всегда найдёт обходной путь: в нём вырабатывается эндогенный алкоголь (помимо эндогенных опиоидов и каннабиноидов) — он появится сразу же по мере принятия пищи после 12-часового голода. Алкоголь выполняет функцию индикатора насыщения организма — организм понимает, что он "наелся"). Всегда и во всём существуют и меры дозволенного, и крайности. Даже с хорошими и полезными вещами перебарщивать не следует — даже хорошее непременно сведёт в могилу. А туда спешить — незачем.

Никто не станет отрицать и пытаться переубедить в отношении того, что мир полон плохими вещами. Ибо их — всегда "сплошь и рядом". Однако, за ними не приходится "далеко ходить" — их поиск не составит совершенно никакого труда. А вот попытаться "докопаться" до чего-то положительного — вот, ради чего, действительно, стоит жить. Памятуя о смерти (*memento mori*), не следует забывать о том, что ей и предшествует — тот самый, монументальный, пласт существования. "*Memento Vivere*".

Алкоголик абсолютно верно расставил приоритеты, вне всяческих сомнений. У него могут отобрать что угодно, вплоть до того, что составляет коренную часть его наименования, но у него никогда не отберут его достоинства. Ни на что повлиять нельзя, но можно прожить жизнь спокойно и даже, одновременно с этим, насколько то ни противоречиво и парадоксально, достойно. Кому жизнь не понятна, кто с ней не в ладах и не понимает её устройства, кому хочется угорело бесцельно носиться и впустую тратить нервы — пускай суетятся, подобно жертвам. Ему, осознавшему природу всего, хочется лишь умиротворения. И он его обрёл.

Так, а когда же всё изменится? Явно не сегодня. Да и точно не сейчас. И не потом. В общем, никогда.

А в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.